

АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

СОКРОВИЩА ГОСУДАРЯ

FANTASY ✨ WORLD

Fantasy-world

Андрей Посняков

Лоцман. Сокровище государя

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Посняков А. А.

Лоцман. Сокровище государя / А. А. Посняков — «Издательство АСТ», 2020 — (Fantasy-world)

ISBN 978-5-17-123393-8

Громяхают пушки, стелется по земле густой пороховой дым, и ядра со свистом крошат крепостные стены и башни! Лихо атакует конница, сверкают сабли, на море же – корабли под синим, с тремя золотыми коронами, флагом. Флагом шведского короля Карла Густава! 1656 год. Балтийское море – «шведское озеро», шведы на Балтике – всюду. Идет очередная русско-шведская война, и русское войско под командованием самого царя направляется в Лифляндию, цель – осада и взятие Риги. Дело это трудное, и хорошо бы иметь среди осажденных своего верного человека. Таким человеком – посланцем самого государя Алексея Михайловича – и становится молодой тихвинский помещик Никита Петрович Бутурлин, ранее показавший себя в деле в шведском городе Ниене. Ниен взят, и теперь Бутурлин должен проникнуть в Ригу. Найти себе дело, обзавестись нужными связями, собирать информацию и передавать ее русскому войску. И все бы хорошо, да попалась Никите Петровичу одна ушлая девица, которую многие считали ведьмой. Ее жемчужно-серые очи как-то незаметно околдовали и нашего героя... Кроме того, в самом начале войны похищены сокровища из царского обоза, среди которых – памятная для всей государевой семьи иконка...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-123393-8

© Посняков А. А., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Андрей Посняков

Лоцман. Сокровище государя

© Андрей Посняков, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Глава 1

За дальним лесом садилось солнце. Угасало, растекалось пожаром по смолистым вершинам елей, вытягивало по опушкам длинные черные тени. Еще немного – и наступит, упадет тьма, накроет весь лес плотным черным покрывалом, таким, что не видно ни зги. В темно-голубом, темнеющем небе уже загорелись, вспыхнули первые белесые звездочки, а вот настоящей луны не было, лишь огрызок месяца, похожий на кривую татарскую саблю, зацепился за вершину старого дуба да так и висел, тощий, прозрачный, хиленький, ничего особо не освещая – толку от такого, ага!

Сидевшая на толстой ветке сова вдруг насторожилась, зыркнула взглядом и, к чему-то прислушавшись, шумно забила крылами, поднялась, полетела куда-то в самую чашу. И правильно – на узкой лесной дорожке, из-за поворота, заросшего старым ольховником, показались всадники в коротких кафтанах. Все при саблях, у кого-то и «берендейки» через плечо. «Берендейка» – перевязь через плечо с подвешенными принадлежностями для зарядания пищалей, пенальчиками с пороховыми зарядами, сумкой для пуль, пороховницей – вещь в бою да походе удобная, воинским людям без нее никак.

Всадники ехали на рысях, не шибко торопясь, но и поспешая: как волчья сыть – нога за ногу, сопля за щеку – по дороге не волочились. Впереди – дюжина на сытых конях, сразу за ними – крытый возок на смазанных дегтем колесах. Четверка лошадей, кучер – здоровущий мужик с окладистой кудлатой бородою. Крыт возок дорогой узорчатой тканью, сразу видать – не какой-нибудь там торгашина-купчина едет – боярин!

Позади возка – снова всадники: кирасы, палаши, пистолеты, у кого – и каски железные, называемые иностранным словом «морион». Рейтары! Из полков «нового строя», что на немецкий манер устроены и не так давно на земле русской заведены. Командиры у них опять же по-заморски обозваны – никаких тебе воевод, сотников: капитаны, майоры, полковники! Есть и иностранцы, ну, а в большинстве – русские все, из московских дворян.

За рейтарами, растянувшись, шло пешее воинство – бородачи-стрельцы. Кафтаны длинные, красные, тяжелые пищали на плечах, еще и бердыши, сабли – славное воинство! Идут – любо-дорого глянуть, лишь берендейки гремят в такт шагам. Раз-два, раз-два, левой...

– А ну, молодцы... Песню запе... вай!

Грянули молодцы дружно:

– Ой ты, гой-еси, православный царь! Православный царь, повелитель наш.

Громко запели стрельцы. Разнеслась удалая песнь по всему лесу. Тут уж не только сова, тут и зайцы из кустов повыскакивали, и волки хвосты поджали.

– Славно поют, – один из скакавших впереди воинов хмыкнул, сдвинув на затылок шапку.

Молодец – хоть куда. Высок, красив, строен. Весь из себя этакий крепкий, жилистый. Из-под темно-русой челки синие глаза сверкают, борода расчесана, а взгляд такой... начальственный взгляд, как и положено командиру.

Звали молодца Никита Петрович Бутурлин, и было ему двадцать шесть лет. Не женат еще, не пристатилось, да и родители померли давно. Батюшка, мелкий помещик – «беломосец» – земли северной, тихвинской, иконой своей славной, оставил сыну в наследство чуток землицы с деревенькой Бутурлино и «со людищи» в количестве тридцати пяти душ, из которых большая часть – девки да бабы. Ну и вот, боевые холопы, вон они, скачут чуть позади, рядом. Чернявый осанистый Семен, чем-то похожий на медведя, слева от него – рыжий Ленька, чуть позади – совсем еще юный Игнат... Вот и все помещика Бутурлина воинство! Явился на службу, как наказано – «конно, людно, оружно». Ну, а что людишек маловато – так то не

Никиты вина. Не совсем еще оправилась матушка Русь после страшной Смуты, много людей бедовало. Не только простолюдины, но и мелкие дворяне впали в страшную нищету, такую, что многие даже запродавали себя в холопы.

Ну, до Никиты Петрович такое, слава Господу, не дошло, хотя и он, что греха таить, подрабатывал лоцманом, проводил торговые суда от посада тихвинского до самого Варяжского моря, и иногда – в Стокгольм-Стекольну. Так бы и перебивался, кабы не начавшаяся недавно война со шведами – вот уж тут Бутурлин себя проявил, без него вряд ли бы славный город Ниен так уж быстро взяли. Воевода, князь Петр Иванович Потемкин, так прямо и сказал: «Без тебя б, Никита, столько бы кровушки пролилось!» Так вот...

С тех славных пор минуло что-то около месяца, война только еще разворачивалась, зачиналась, и Никита Петрович оставался при воеводе. Если считать по-немецки, шел июль одна тысяча шестьсот пятьдесят шестого года от Рождества Христова. Князь-воевода Потемкин с большой охраной ехал нынче в смоленские земли, недавно отвоеванные у поляков. Ехал не в сам град Смоленск, а чуть западнее, на полночную сторону – к верховьям Двины-реки, где молодой воевода Семен Змеев, еще по зиме заложив верфь, выстроил тысячу стругов. Струги нужны были для скорого похода на Ригу – как раз по Двине-Даугаве и плыть. Рига принадлежала шведам, и царь-государь Алексей Михайлович намеревался ее воевать, что было бы на руку для всей русской торговли. Да и что сказать, слишком уж зарвались swei – все Варяжское (Балтийское) море своим «шведским озером» сделали! В Риге – шведы, в Ревеле – шведы, в Нарве – они же, вот хоть устье Невы-реки князь-воевода Потемкин для государя отвоевал (с господина Никиты Бутурлина помощью). Ну, кто в Ниен пробрался да вызнал всё? Он, он, Никита! За что и получил в награду шестьдесят талеров, именуемых на Руси ефимками. Деньги хорошие, такое жалованье, пожалуй, только полковники получали... да еще приказные начальники – дьяки.

На те деньги Никита задумал выстроить вокруг деревни своей крепкий тын! Пушки завезти... хотя бы кулеврины, да людишек еще прикупить, лучше бы мастеровых, справных...

Задумал... да вот покуда некогда было. Война!

– Далеко до села еще? – повернувшись в седле, Бутурлин бросил взгляд на проводника Тимофея – местного мужика из артельных, плотников. Бродяга, если уж так-то – боббель.

– А версты четыре осталось, – пригладив пегую бороденку, Тимофей потрепал лошадь по гриве. – Что, Каурка, поди, устала?

– С чего ей уставать-то? – громко захохотал едущий рядом Семен. – Не так уж мы и гоним.

– Гнать-то не гоним, да, – проводник согласно потряс бородою. – Однако с утра уж верст двадцать проехали. Один раз всего и отдохали.

– Ничего, в селе отдохнем! – хмыкнул Никита Петрович. – Раз уж, говоришь, четыре версты... Скоро!

– Никита Петрович! Господи-и-и!

Вырвавшийся вперед Игнатко вдруг осадил коня, да так резко, что едва не вылетел из седла. Вскрикнул, обернулся, указал рукой куда-то на обочину...

Бутурлин поспешно поворотил коня... и перекрестился, увидев рядом, в кустах, изрубленные буквально на куски трупы! Две юные девушки... почти нагие, в одних рубашонках, босиком... Вот страсть-то! Верно, насильничали, устроили «толоки»... Но зачем так-то? Вон, горло рассечено – голова почти срублена... Да и кисть руки у второй еле держится...

Заинтересовавшись ранами, Никита Петрович спешил, наклонился... Да, явно разрублены кости! Видно, какой-то черт забавлялся с девами – силушку свою темную показывал! Истинно – черт, дьявол! А кровищи-то, кровищи вокруг...

Зло сплюнув, Бутурлин обернулся к слугам:

– Семка, давай к воеводе! Хотя нет. Сам доложу.

Вскочив в седло, Никита погнал лошадь к возку, выкрикнул, едва только подъехал:

– Дурные новости, княже!

– Что еще? – откинув полог, из кибитки выглянул круглолицый боярин в наброшенной поверх кафтана епанче, с окладистой, тщательно расчесанной бородою и неожиданно острым взглядом небольших, глубоко посаженных глаз. Собственной персоною Петр Иванович Потемкин – воевода и князь.

Резко оборвалась удалая стрелецкая песня...

– Две молодые девы, убиты и назиданы, – по-военному четко доложил молодой дворянин. – Раны, господине, весьма занятные...

– Так-так, – Потемкин вскинул брови. – И что там занятного?

– Обычно так бьют моряки! – ни капли не сомневаясь, пояснил Бутурлин. – Тяжелой абордажною саблей.

– Ага... – пригладив бороду, князь почмокал губами. – Ну, в этом ты разбираешься, помню... А где тела?

– Рядом... вон...

Петр Иванович не поленился, выбрался из возка и самолично осмотрел трупы. Почмокал губами, покачал головой, да, сдвинув на затылок шапку, почесал темную, тронутую на висках сединой шевелюру:

– Молоденькие совсем. Юницы... Руки и пятки грубые – знать, крестьянки. И какому ироду понадобилось их убивать? Сегодня убили-то, и не так давно... вон, кровь едва запеклась... Та-ак... Лес прочесать мы до темна не успеем... Тогда завтра! Посейчас же дев этих – в обоз. Завтра и похороним в этом, как его...

– Плесово, княже, – подсказал Никита.

Плесово – так называлось село, где была устроена верфь и куда нынче добирался воевода Потемкин. Ехал не просто так, не новыми стругами любоваться, просто уже совсем скоро в Плесово должен был явиться сам государь Алексей Михайлович. Царь лично занимался подготовкой рижского похода и даже собирался возглавить войско. Вот-вот приедет – и в поход! И – горе Риге, горе – Лифляндии!

Что же касается Потемкина, то тот должен был получить указание относительно его собственной армии, той, что захватила Ниен. Что дальше-то делать? Стоять в Орешке? Или идти воевать Выборг? Людей, конечно, для такого похода маловато, но как велит государь, так и будет. Хоть Выборг возьмем, хоть Стокгольм!

Неожиданно улыбнувшись, князь покивал:

– Да, Плесово... А сейчас мы где ночуем?

– В каких-то Жданках, княже.

– Большая деревня?

– Да нет... И церкви там нету.

– Тогда дев несчастных везти до Плесово. Там погребсти. Да и... может, из родных кто опознает? Ну, что стоишь, сотник? Двигаем дальше!

Вытянувшись, Бутурлин снова взметнулся в седло. Звание сотника он тоже получил после взятия Ниена и ныне возглавлял передовой отряд, командуя сотней головорезов из таких же, как и он сам, небогатых провинциальных (городовых) дворян да детей боярских. При каждом помещике имелись боевые холопы, у кого больше, у кого меньше, но у каждого – небольшой отрядец. Все, как и должно – «конны, людны, оружны». Вот-вот получают и жалованье – с царем едет на верфи солидный обоз!

Жалованье это хорошо... Никита Петрович подогнал коня – в Жданки надобно было успеть засветло, а скорость всего воинства зависела от авангарда. Жалованье... Каждому служилому дворянину полагалось по пять рублей в год, а Бутурлину, как сотнику, и все восемь!

Деньги не такие уж и большие, один боевой конь стоил десять рублей. Не в деньгах, конечно, дело – в земле. Коль подсуетиться, так Поместный приказ, по воеводе слову, может и еще земли начислить. К примеру, покойного соседа, боярина Хомякина земли... ну, то озерцо, которое спорное. Князь Петр Иванович, к слову сказать, давно тот вопрос разрешить обещался. Не забыть бы напомнить, ага.

Пока молодой помещик занимался ратными делами, хозяйством на его землях заправляла юная ключница Серафима, дева, несмотря на возраст, умная, ушлая, да в придачу еще и красивая – не оторвать глаз! Стройный стан, грудь упругая, коса светлая девичья, ресницы длинные, пышные, трепетные, очи же – ярко-голубые... как у давнишней пассии Никиты Аннушки Шнайдер, дочки богатого купца из Ниена. Ах, Анна, Анна... Целовались ведь когда-то, ага. Однако уже около года как увез Аннушку в Ригу мерзкий ее женишок Фриц Майнинг! Увез, увез, гад ползучий... И как теперь Анну из Риги добыть? Поехал бы, на корабле бы поплыл – вызволил бы... Кабы не война, не дела государевы да не служба ратная.

Впереди, за кустами, показались тусклые огоньки – за затянутыми бычьими пузырями оконцами крестьяне уже зажгли лучины. В деревне насчитывалось пяток изб, каждая огорожена невысоким забором. Во дворах виднелись сараи и прочие постройки, обязательный колодезный сруб с высокой жердиной – «журавлем». Почуввав чужих, у ворот заблажили, залаяли псы.

– Это твои Жданки? – оглянулся Бутурлин.

Проводник тотчас же закивал, заулыбался:

– Да, да, они и есть. Вон и староста бежит уже...

И впрямь, завидев вооруженных всадников, из крайней избы выбежал длиннорукий мужик с мосластым лицом и рыжеватую бородою. Подбежав ближе, мужик снял с головы треух и бухнулся на колени прямо в дорожную пыль:

– Нетуги у нас ничего, люди добрые! Одначе кой-что по сусекам соберем. Токмо деревню не жгите!

– Это с чего ты взял, что мы будем ее жечь? – презрительно хмыкнул Никита Петрович.

– Была нужда, однако.

– Мы свои, Антип, – наконец, вставил слово проводник Тимофей. – Меня-то ты не признал, что ли?

– Тебя-то признал, – прижав треух к груди, староста опасливо прищурился. – А вот с тобой кто...

– Мы – князя-воеводы Петра Ивановича Потемкина войско! – Бутурлин горделиво выпятил грудь. – Сам князь здесь. А я – его сотник. Так что, борода многогрешная, давай-ка тут не блажи, а веди князюшку на ночлег, в избу. Также сотников да десятников по избам размести. Остальным покажешь, где табором встать можно. Понял, борода?

– Понял! Как не понять, господине?

Обрадованно перекрестившись, староста Антип бросился обратно к избе, закричал, замахал руками:

– Овдотья, девки... эй... Стол накрывайте, ужо! Гуся, гуся режьте...

Сам князь с рейтарским полковником и начальным стрелецким воеводою расположились на ночлег в избе старосты, тут же, во дворе разбили шатры и слуги, запалили костер, чего-то варили, жарили, бросая кости собакам, опасливо забившимся в свои будки. Рейтары разбили шатры на лесной опушке, среди пахучих трав, чуть поодаль разложили костры стрельцы, а уже за ними – служилые: дворяне да дети боярские со своими людьми.

Вкусно запахло похлебкой: варили из вяленого мяса, заправляя для густоты мукой. Бутурлин, как и положено сотнику, устроился в дальней избе, большой и полной народу. Пока ужинали, все время сновали туда-сюда какие-то бабы, девки в глухих темных платках. Приносили еду и питье, уносили посуду, о чем-то вполголоса переговаривались, искоса поглядывая

на постояльцев – Никиту Петровича и двух рейтарских капитанов. Один из господ офицеров оказался немцем из Бремена, второй – француз, но немецкую речь знал сносно. Так и общались, да, поужинав, сели перекинуться в карты. Наскоро, ибо подниматься завтра нужно было рано, с зарею.

Поначалу игра особо не ладилась – немец все никак не мог привыкнуть к мастям. Они ведь в каждой стране – наособицу. Во Франции, как и на Руси-матушке – черви, бубны, трефы, а вот в немецких землях не так – там то желуди, то фрукты какие-то, поди пойми.

В рейтарском обозе имелся бочонок пива, его и выпили, вернее сказать – допили, как раз и игра стала ладиться. У хозяина избы, местного крестьянина Фрола, мужика, по всему, не бедного, нашлась медовуха – стали пить и ее, оказалось – забористо! Захмелев, Никита Петрович не на шутку раздухарился, кидая карты на стол с неопишваемым азартом... и, только проиграв запасное седло, притих да принялся широко зевать, закрывая рот рукою и поминутно крестясь на висевшую в углу икону, засиженную мухами до такой степени, что невозможно было разобрать, кто же на ней изображен.

Хмыкнув, Никита Петрович ухватил за локоть прошмыгнувшую мимо девчонку:

– А скажи-ко, дева, кто тут на иконке-то?

– На иконке-то? Дак Николай Угодник, господине.

Отвечая, девушка повернула лицо – бледное, какое-то снулое и несчастное, но вполне миленькое и даже по-крестьянски красивое... Если бы не растекшийся по всей скуле синяк под левым глазом!

– Кто это тебя так?

– Да так... – Девка пожалала плечами, однако уходить вроде как не спешила, все убиралась, уносила посуду да заинтересованно поглядывала на картежников – видать, забава сия ей оказалась в новинку. Да и насчет поболтать девчонка оказалась не дурой, постояльцев вовсе не сторонилась.

– А это что за игра такая? Карты?! Вот, ей-богу, первый раз вижу, ей-богу! А вы надолго у нас? Ах, завтра уже уедете... А куда? В Плесово? А, знаю. Где струги. Воевода там такой... строгий.

Нет, в самом деле – премиленькая! Густо-рыжая коса, тонкие бровки, губки розовым бантиком, и глазищи, ровно у кошки – зеленые.

Рейтары тоже уже поглядывали на деву, и верно, вскорости перешли бы к самым решительным действиям, да только вот помешал некстати проснувшийся хозяин, Клим.

– Меланья! Ты что тут рыщешь, гостям почивать не даешь? А ну, в людскую пошла! Там нынче спите... Ну, пошла, кому сказал!

Хлопнув девчонку пониже спины, Клим пригладил бороду и довольно осклабился:

– Племянница моя. Артачиться любит, но так – девка справная. Лес наш знает – лучше иного охотника. И сама на охоту ходит!

– Девка? На охоту? – постояльцы недоверчиво переглянулись. – И как?

– Пустая не возвращалась! То зайца принесет, то куропаток, то рябчика.

– Хорошо, не тетерева! – укладываясь на широкую скамью, пошутил Бутурлин.

Хозяин тут же закрестился:

– Тьфу ты, тьфу ты! Скажешь тоже, господин. Нешто мы какие басурмане-нехристи – тетеревов жрать?

В деревнях обычно ложились рано, зря лучины не жгли. Да и вставали – с солнышком, с зарею. Июль – пора сенокоса, да и первые ягоды пошли – хватало забот. Немного поговорив, улеглись спать. Хозяин – на сундуке, хозяйка с малыми детьми – на печи, дети постарше – под самым потолком, на полатах, ну, а важные гости – на лавках вдоль стен.

Бутурлин долго не мог заснуть, все ворочался на покрывавшей лавку медвежьей шкуре. Буйную головушку витязя терзали всякие разные мысли, и многие были – срамные. Снова вспомнилась Серафима-ключница, ее пушистые ресницы, улыбка, глаза... и еще – грудь с большими трепетными сосками. Славная девушка Серафима, ай... Просила выдать ее замуж за Федора Хромого, что кожевенным делом промышлял. Просила, да ведь помер Федор... С другой стороны, зачем за кого ни попадя такую справную девушку выдавать? Серафима... Ох, и тело у нее, ох и перси... И, главное, пухлой не назовешь! Хотя... Аннушка, верно, и похудее. Да нет! Аннушку-то Никита Петрович нагой не видел, это Серафиму – много раз. И не только видел, а и... Ну, так на то оно и дело молодое, да и Серафима – не с улицы девка, а своя, челядинка, раба.

Не спалось Никите, ворочался. Услышал вдруг, как сквозь неплотно прикрытую дверь с улицы донеслись приглушенные голоса. Один – девичий, второй – задорный, мальчишеский... Игнатко, что ли? Похоже, он.

- А вы ведь в Плесово, да?
 - В Плесово... А ты откуда знаешь?
 - Да уж знаю. Это вы с этаким-то войском!
 - Дак, воевода-князь с нами... Едет на встречу к самому государю!
 - К государю? Да иди ты!
 - Ой, будто не слышала, что царь-государь на войну? Свеев будет воевать, так-то!
 - Да слышала... Но думала – врут. Люди ведь, знаешь – языки что помело.
 - А ты не такая?
 - Не такая. Я умная.
 - Вижу, какая умная. Эвон, под глазом-то... Ну, ладно, ладно, не обижайся.
 - Да я не обидчивая... Какие у тебя ресницы! Долгие, как у девы... Можно, я их потрогаю?
 - П-потрогай... ага... ой...
- Послышался смачный звук поцелуя. Бутурлин перевернулся на другой бок и хмыкнул: повезло же отроку! Может, и сладится там, в шатре, что... Или на сеновале...
- Как ты целуешься славно...
 - Ты тоже славный... Пойдем-ка... пойдем... А то мне одной страшно! Там ваши, говорят, мертвяков привезли. Правда?
 - Правда. Двух дев, убитых. В Плесове, может, узнают...
 - Убитых? Жуть-то какая, господи!

* * *

Как и собирались, утром выехали с зарею. Выспались, наскоро перекусили кашей, разобрали шатры, покидали в телеги – все в охотку, со смехом, с прибаутками-песнями. А вот уже и послышалась зычная команда:

– Становись! Нале-ву! Шагом... арш!

Впереди – знамо дело – авангард во главе с сотником Бутурлиным, за ним – княжеский возок с охраной, потом рейтары, стрельцы... Воинство!

Едва только тронулись, как над соснами, за холмами, выкатился-показался сияющий краешек солнца. Лучи его позолотили лица, отразились в шлемах и наконечниках пик, взорвали утренний прозрачный туман сверкающим золотом, так что стало больно глазам. Народ радовался: солнышко теплое – к доброму дню. Лето нынче выжалось холодное, смурное, дожди надоели всем.

– Ты почто лыбишься-то, Игнат? – подмигнув улыбающемуся отроку, с усмешкой поддел Никита Петрович.

Парнишка повел плечом и еще больше прищурился:

– Так славно! Теплынь. И дожди вроде как кончились.

Ехавший рядом Ленька тряхнул рыжей шевелюрой:

– Чай, скоро и поход! Правда, господине?

– Да уж, – погладив эфес сабли, Бутурлин важно покивал. – Так оно и есть. Для того ведь струги-то и выстроены. На все войско!

– Славно! – одобрил Игнат. – Чай, на стругах-то все лучше, чем пешком.

Стрельцы вновь затянули песню. Солнце поднялось еще выше и, кажется, совсем скоро засияло уже над головами, и как-то вдруг очень быстро по левую руку показалась синяя гладь реки.

Дорога как раз и шла вдоль реки, путь был хороший, наезженный и плотный, копыта коней не проваливались в грязь, что позволило еще больше прибавить ходу. Да, собственно говоря, торопиться-то было некуда: через пару часов пути на крутояре показалась красивая деревянная церковь.

– Святого Дионисия храм, – сняв шапку, радостно пояснил проводник. – Приехали!

Все остановились. Сам воевода вышел из возка и, перекрестившись на церковь, прочел молитву. Бывшие рядом с ними воины тоже осенили себя крестным знамением да переглянулись с радостью: ну, вот он, конец долгого пути.

От церкви спускались к реке избы с плетнями, наверное, пара-тройка дюжин – точно, Плесово – село большое. За избами, на берегу, виднелись какие-то амбары и верфь с застывшими остовами судов. Вокруг копошились люди, доносился звон топоров, визг лучковых пил, крики... Работа кипела в полный рост! Достраивали. Царя ждали!

– Красиво как! Славно... – словно замороженный протянул Игнат. – Деревья вон, трава, папоротники... золотятся. Словно брабантское кружево...

Бутурлин на это ничего не сказал, лишь прищурился, заметив отряд всадников, вылетевших навстречу гостям. Вылетели, надо сказать, умело – растянулись, выгнулись дугой – окружали.

– А вон, батюшко, и пушки, – повернув голову, шепнул Ленька. – Четыре ствола у берега, еще столько же – справа, на опушке... И вон, у самой церкви блестят! Нам бы как бы в лес – а то пальнут еще.

– Я вам дам – в лес! – запахнув ферязь, воевода Потемкин грозно почмокал губами. – Коня мне, живо! Попону праздничную, шишак... Никита! Панцирь злаченный надень – при мне будешь.

– Слушаюсь, княже!

Успели быстро. И коня привели: белого, под алой с золотой вышивкой, попоной. Князь уселся в седло, распахнув ферязь. Под ферязью – байдана с зеркалом злаченным, доспех красоты редкостной, на голове – сверкающий на солнце шишак, на рукояти сабли – рубины огнем горят, холеная борода на ветру развеивается – сразу видно, всем князьям князь!

Рядом с воеводой – Бутурлин в рейтарском панцире и гишпанском шлеме с двумя страусиными перьями. На перевязи – сабля, пара пистолетов в седельных кобурах, с плеч короткий английский плащ водопадом темно-голубым ниспадает. А что? Чай, не лаптем шти хлебаем!

Тут и рейтары, и стрельцы-молодцы... Встали все мишенью... Ну-ну, князь, видно, знает, что делает.

Всадники между тем быстро приближались, накатывались лавою. Уже сверкнули на солнце сабли!

Усмехнувшись, князь Петр Иванович махнул рукой:

– Трубач – труби! Барабанщики – барабаньте.

Гулким рокотом ухнули барабаны. Радостно запела труба. Воевода тронул коня и поехал навстречу воинам. Ехал спокойно, не торопясь... и ни один мускул на лице не дрогнул!

Бутурлин потянулся было к пистолю...

– Не вздумай, Никита, стрелять! – скосив глаза, строго-настрого предупредил князь. – И сабельку в ножнах держи.

– Но ведь они же...

– Подъедут – честь отдадут!

Сотня шагов до всадников! Полсотни. Уже видны злые сверкающие глаза, оскаленные лошадиные морды. Сверкают сабли. Стволы карабинов тускло блестят. Еще немного и...

– Осади! – властно поднял руку Потемкин.

Скачущие впереди всадники недоуменно переглянулись... и осадили коней.

– Кто такие? – опытный воевода тут же определил старшего – лихого усача в латах с польскими гусарскими дугами за спиной. Неужто и впрямь поляк? Хотя... да-да, говорили, что государь, в ряду прочих, завел в Москве и гусарский полк... Так то государь. В Москве. А здесь кто?

Усач тоже, по всему, оказался бывалым. Оценив все великолепие, спешился и вежливо поклонился, представился:

– Полковник Семен Змеев, волею государя воевода здешний.

– А! – спешиваясь, улыбнулся князь. – Слыхал, слыхал о тебе, Семен Михалыч! Это ты тут верфями заведешь?

– Язм.

– А я – князь Потемкин, можешь запросто Петром Ивановичем звать.

– Княже! – молодой воевода смутился, правда, не очень – действовал-то он правильно.

– Вы уж извиняйте за...

– Да не за что, полковник! Вижу – службу знаешь, – довольно хмыкнув, Потемкин лукаво прищурился. – А почто как поляк одет?

– Так трофеи! Дуги с перьями от вражьих сабель зело хорошо помогают...

Змеев поспешно спрятал улыбку, но все же не выдержал, молвил с молодецким задором:

– Так и вы почти все – как немцы.

– Так немцы и есть – рейтары! Государь что – неизвестно, когда пожалует?

– Да мы допрежь него хлебный обоз ждем. Вот-вот должен быти. А за ним – и государь.

Кивнув полковнику, Потемкин уселся в седло:

– Ну, и мы подождем с вами. Покажешь, Семен Михалыч, где лучше встать.

– Добро, княже. За мной поезжайте.

Исправляя невольную свою оплошность, воевода Семен Змеев, распределив всех на постой, вечером закатил пир. Собрались в просторной избе местного старосты Порфирия Грачева, сутулого, себе на уме, мужичка с редкой русой бородкой и хитроватым взглядом. Потемкина, как почетного гостя, усадили за стол в красном углу, под иконами, рядом расселись все в соответствии с родовитостью и чинами, так что Бутурлину едва-едва хватило местечка на самом краю лавки, рядом с рейтарским капитаном.

– О, Никита, – подмигнул тот. – Сейчас выпьем, ага! Кальвадос, да.

– Сомневаюсь, есть ли тут кальвадос...

– Ну-у... не кальвадос, так эта... ме-до-ву-х-ха! – засмеялся рейтар. – Никита! Я вот не верю, чтоб тут у русского старосты – и водки нету? Меня, кстати, Жюль зовут, если ты забыл. Да! Вчера седло мне проиграл, помнишь?

– Да помню, – отмахнулся Бутурлин. – А вот как ты звать...

– Шевалье Жюль де Бийянкур из Нормандии. Как у вас говорят – прошу любить и жаловать.

Так вот и познакомились, можно сказать – заново, выпили за дружбу водки – ушлый француз оказался прав! Нашлось, что выпить, у старосты... Сыскалось и чем закусить. Поскольку в те унылые времена резать продукты перед приготовлением почиталось грехом, то ту же курицу подавали целиком – «кура во штях», или курица, сваренная в бульоне, заправленном мукой.

– Умм! – закусывая, зачавкал француз. – Вкус-сно! Княже Петр Иваныч! А правду говорят, будто при дворе государя Алексея Михайловича подают «грешное блюдо» – куря, разрезанная под лимоны и запеченная в печи?

– Может, и подают, – воевода пожал плечами. – Не вкушивал.

Окромя «курей во штях», важным гостям подавали и много чего другого, не менее вкусного. Запеченного в печи осетра, например, а также уху из белорыбицы, кисель белый (крахмальный) и кисель красный (из сушеных ягод), невероятно вкусную, заквашенную небольшими кочанами, капусту, соленые рыжики и огурцы, пироги с кашей, рыбники, калачи... Ну и водка, да, а к ней еще медовуха и бражка. Последняя – опять же, из сушеных ягод, очень для желудка полезная. Опять же – от поноса...

– Неужто от поноса помогает? – засомневался Жюль. – Ой, Никита...

– Помогает, помогает, – Бутурлин негромко засмеялся и выбросил куриную кость в поставленную слугой братину.

– Пиво уж, княже, не успели сварить, – между тем каялся староста. – Ничо! Завтра наварим.

– О! Завтра и пиво будет! – рейтарский капитан обрадованно потер руки. – Попробуем, какое тут пиво. Вот, пивал я как-то в Риге и в Бремене...

– В Ниене тоже нехудое пиво варили...

– В Ниене – да!

Бутурлин и новый его знакомец заночевали в соседней избе, куда явились уже под утро. Точнее, явились не сами – слуги привели, Игнатко, Семен да Ленька. У капитана тоже имелся слуга – большеглазый смазливый парнишка с длинными темными волосами, весьма сметливый и шустрый. Он своему господину готовил, чинил амуницию, стирал и еще исполнял целую тучу всякого рода мелких поручений. Так уж тогда было принято, без слуги дворянину – никак. Кто все делать будет? Готовить, стирать и прочее? Дворянин? Так не дворянское это дело, да!

Пировали и на следующий день, и на третий – несмотря на то, что была пятница, постный день. Но особо не грешили – перебивались кашами, яйцами да белорыбицей, обошлись без мяса, раз уж пост. Впрочем, для воинов в походе имелись некоторые послабления...

Расположенное в Плесове войско предавалось всяким делам понемногу: несли караульную службу, готовили снаряжение да потихоньку пианствовали. В последнем особенно отличались рейтары и служилые «по прибору» люди – дворянское ополчение из бутурлинской сотни.

Как опытный воевода, князь Петр Иваныч, конечно же, прекрасно понимал, что вынужденное безделье для воинской дисциплины – гибель. Да это все понимали, просто никак не могли придумать себе никакого достойного дела. Караульных нынче имелось с избытком, ну а, кроме воинской службы, господа дворяне и дети боярские ничем иным позорить себя не собирались. Не на верфи же им идти, в самом-то деле! То-то, что не на верфи...

Имея в виду подобное, Петр Иваныч быстренько сговорился с местным воеводой Змеевым и предложил наиболее упертым «бездельникам» важное и нужное дело – поискать хлебный обоз. Обоз сей должен был выйти из Смоленска еще пару недель назад, верно и вышел, да вот где-то по пути затерялся. Три дюжины возов! Охрана! Караван не маленький.

Бросили клич – живенько нашлись охочие люди! Бутурлин с дружкой французом – в числе первых. А что? Дело! Обоз поискать – славно! Проехаться, растрясти хмель.

– Вот здесь и здесь – болота, – воевода Змеев вечером показал на чертеже-карте. – Тут – Смоленский тракт. По тракту-то они и выехали и должны бы уже на лесную дорожку свернуть. Либо – здесь... Либо вот тут, за урочищем.

– А где лучше? – быстро уточнил Никита Петрович.

Воевода покусал усы:

– Лучше-то? Да вот у старосты и спросим... Порфирий! Эй...

– Тамоку, где урочище – ручей, – подойдя, пояснил староста. – Лето нынче дождливое... могли и не проехать. Тогда за урочищем свернули. А там...

Порфирий неожиданно замолк и еще больше ссутулился.

– Что – там? – вскинул глаза Бутурлин. – Ну, говори же!

– Разбойники там, лиходеи, – негромко признался Порфирий. – Девоч, что вы привезли да схоронили – они и сгубили, больше некому.

– Есть шпыни, есть, – Змеев яростно стукнул по столу кулаком. – Никак поймать не можем. Да и не дело наше ловить их. На нас – верфь, струги. А вы, коли увидите, так, может, и прижмете хвост.

– Не, не поймаете, – скептически прищурился староста. – Лиходеи в лесах каждую тропку ведают и на старом болоте – все гати. Так что и вы смотрите – паситесь! Чуть что – враз в трясику провалитесь.

– Спасибо, мил человеку, предупредил!

* * *

Обоз обнаружился через пару часов пути, на поворотке за старым болотом. Опрокинутые телеги без лошадей, темные кровавые лужи и трупы, трупы, трупы. Над трупами, деловито жужжа, вились жирные зеленые мухи.

– Вон там засаду устроили, – спешившись, определил Бутурлин. – Во-он в том распадке посадили стрелков. Те и грянули залпом. В упор! Вон телеги-то – в щепы!

– Да уж, – покивал Жюль. – Пуля из доброго мушкета корабельный фальшборт пробьет запросто. А тут – телеги!

– Про фальшборт откуда знаешь? – Никита Петрович скосил глаза. – Поди, на кораблях удалось послужить?

– На голландских, – усмехнулся француз. – Уж мы этим англичанишкам задавали перцу, любо-дорого посмотреть.

Да, по всему, именно так и выходило. Нападающие тупо устроили засаду, посадив в лесу, вдоль дороги, вооруженных пищалями бойцов, не так уж и много – пару дюжин человек или чуть больше, главное, чтоб стреляли залпами.

– А затем конница вылетела! – глянув на изрубленных людей, лоцман скрипнул зубами. – Погляди, как их... В клочья! И вот... знакомый такой удар...

– Абордажная сабля, – коротко кивнул Бийянкур. – Ты говорил про тех девчонок, в лесу... Их, кстати, опознали?

– Опознали. С выселок девки... Земля им пухом.

Зло сплюнув, Бутурлин прошелся вдоль разграбленного обоза. Хлеб, конечно же, увезли, подогнали подводы... или навьючили лошадей... Хотя... Ага, вот...

Пройдя несколько шагов, Никита Петрович заметил характерный широкий след саней-волокуш, что использовали для перевозки грузов не только зимой, но и летом. Просто привязывали к хомуту две длинные оглобли, а уж на них устраивали настил. Никаких тебе колес – дешево и сердито, да и по бездорожью – самое оно то.

Три десятка возов, это шестьдесят возчиков с помощниками, плюс человек тридцать охраны... И ни одного живого! Раненых, вон, добились, а уйти, похоже, не удалось никому.

– Прикидываешь размер шайки? – подойдя, усмехнулся Жюль. – Думаю, человек с полсотни всего.

– С полсотни? – Бутурлин вскинул брови.

– Ну, а зачем больше? – капитан поежился и зябко потер руки. – Главное, грамотно расположить бойцов. А они так и сделали! Оглушили первым же залпом, затем сразу второй, третий... Думаю, две трети обозников выбили сразу. Да, вон, посмотри сам.

– Вижу.

Почмокав губами, Никита Петрович согласно кивнул и задумался. Для того, чтобы вот так грамотно и хитро организовать нападение на превосходящие силы противника, нужно было много чего знать. Маршрут движения, количество возчиков и охраны, вооружение...

– В местных деревнях у разбойников, конечно же, есть союзники, – подкрутил усы Бийянкур. – Иначе б невозможно было это все проверить. Тем более столь удачно.

– Союзники? Соглядатаи... Ну, знамо дело, есть, тут и думать нечего! – хмыкнув, Бутурлин недобро прищурился, глядя на следы волокуши и тоненькую желтоватую струйку просыпавшегося зерна, так и тянувшегося по всей дороге к урочищу. Как видно, мешок надорвался и вот...

– Думаю, и то, что скоро сюда явится сам государь, для лиходеев не тайна, – покачал головой Никита Петрович. – Наглеть они не будут, чай, не дурни. Отсидаются по деревням... А может, и отсиживаться не станут, наймутся на те же верфи в работники... Если уже не нанялись. Ежели их брать, то...

– Сейчас – ты хочешь сказать, друг мой? – француз оживился и воинственно погладил рукоять палаша. – А что? У нас – сотня лихих вояк! Все конные. Разбойники же с добычей... Нет, не уйдут! Никуда им не деться, следы-то – вон. Вели трубить поход, Никита Петрович!

– Нет, не трубить! – резко бросил Бутурлин. – Вообще никакого шума. Так... Вестовых ко мне, живо!

Не прошло и получаса с момента обнаружения разграбленного обоза, как отряд рейтар и служилых шустро, на рысях, пустился в погоню. Убитых решили забрать потом, на обратном пути – сейчас было некогда.

Ехали ходко, тянувшийся вдоль болота путь оказался достаточно твердым, чтобы спокойно держать лошадей. Выслав вперед небольшой авангард – своих боевых холопов и слугу Бийянкура, Никита Петрович в любой момент ожидал вестей и был готов ко всему. Впрочем, как и все здесь.

Лесная дорожка быстро сужалась, хлестали по лицу еловые лапы и серые ветки осин, поднимались по краям дороги потревоженные боровые птицы – рябчики, тетерева, глухари. В другой бы раз запромыслить рябчика – взять на стрелу – да милое дело... однако же сейчас было не до них. По всему чувствовалось – разбойники уж близко, еще немного и... На пути тут и там попадались дымящиеся кучи навоза. Лошадку ведь терпеть не заставишь... значит – да, значит – близко уже!

– Они там! – выскочив из ольховника, осадил каурого конька Марк, слуга Жюля. Выкрикнул звонко, сверкнул серыми глазищами в обрамление пушистых, как у девчонки, ресниц. – Ваши остались, следят... Полсотни человек примерно. Еще обоз... Там, за урочищем... я покажу.

– Как ведут себя? – капитан вскинул голову.

– Спокойно, – заверил слуга. – Как видно, погони так рано не ждут.

– Да и вообще не ждут, – Никита Петрович погладил по гриве коня и хмыкнул. – Кого им тут опасаться-то, а? Земля-то кругом – их. И лес этот – их, и болото. А тут – мы! Вестовые... Передать всем – приготовиться. За мной.

Прибавив ходу, ратники в полной тишине проехали где-то с полверсты, пока им навстречу не выскочил из кустов весь извалявшийся в грязи Ленька.

– Тьфу ты, черт! – выругался Бутурлин. – Прямо как леший! Лошадей испугал. Ну? Что там?

Парень снял шапку, задорно потряхнув рыжей челкой, отдышался – похоже, бежал.

– Тут дорога – поворот... Если напрямки, лесом...

– Понял тебя! – обернувшись, сотник махнул рукой. – Жюль, давай спешивайся и со своими рейтарами – лесом.

– Лесом? Тогда лучше драгун взять.

– Хорошо – драгун... Не знал, что у вас еще и драгуны... Ленька! Вражины далеко?

– Да саженой двести.

– Славно! Жюль... Перережете им путь – стреляйте сразу. А там уж и мы...

– Слушаюсь, господин сотник! – шутливо приложив руку к шапке, француз спрыгнул с коня и кивнул своим. – А ну, парни, за мной! Лошадей – здесь. Пистолеты, карабины – с собою.

Рейтары с драгунами спешили, все как на подбор – молодец к молодцу, иных на такую службу и не брали. Проверив оружие, шагнули с дорожки прямо в колючие заросли, исчезли, скрылись в лесу...

– Морды лошадям завязать! – быстро приказал Бутурлин. – И – тихо всем.

Так дальше и ехали – в полной тишине, ни говора, ни смеха, ни хрипа и ржания лошадиного. Лишь изредка позвякивали подпруги.

Примерно через сотню саженой на пути показались Игнат и Семка.

– Там они, – завидев своих, Игнат бросился с докладом. – Во-он за теми березками, за поворотом, ага.

Бутурлин придержал коня и прислушался. Из-за березок донеслись чьи-то голоса, смех, лошадиное ржание... А вот – грянули выстрелы! Залп!

– За мной! – выхватив саблю, крикнул сотник. – За мой, воины! Ур-ра-а-а-а!!!

Вынеслось, выскочило из-за поворотки грозное войско, с ходу изрубив вражеский аррьергард. В клочья! Дальше уж спешили, и пошла рубка – зазвенели палаши и сабли, фонтаном хлынула кровь. Вражины явно не ожидали нападения, да и вообще, профессиональных ратников среди них оказалось мало. Привыкли купцов да крестьян обижать, а тут вот пришлось столкнуться с воинами!

Вот упал, полетел в траву, в пыль, в грязь... один, второй... десятый.

– Не жалеть никого, – подняв окровавленную саблю, зло закричал Бутурлин. – Бей упырей! Бей гадов!

Звон... сабли скрестились... посыпались искры... Обводка, рывок... и – на тебе, вражина, в самое сердце! Получи!

Кругом звенело, орало, стреляло, кто-то стонал, кто-то ругался, да, внося свою лепту в остервенелый шум боя, жалобно ржали кони. Поразив очередного разбойника, Никита высматривал главного врага... И наконец, нашел! Здоровенный чернобородый верзила с непокрытой головой и в расстегнутом на могучей груди армяке. Яростно отбивался от нападавших... широкою абордажною саблей!

Ну, вот он, гад! Ага... Получишь сейчас за дев несчастных... за всё!

Абордажная сабля... Короткий, но широкий клинок с массивною гардою хорошо защищал кисть и был приспособлен для нанесения ударов на близком расстоянии в тесном пространстве корабля. Каким образом сие оружие оказалось в смоленских лесах – бог весть. Может, случайно, а может, главарь шайки и сам когда-то пиратствовал, всякое могло быть.

Что ж...

Сделав пару прыжков, лоцман оказался прямо перед верзилой и тут же нанес удар! Упырь среагировал мгновенно, с ухмылкой подставив клинок... Крест-накрест – удар, звон, искры в глаза! И снова удар... целая череда – быстрый, едва уловимый – от плеча, от кисти, с выпадом!

Злодей, конечно, обладал невероятной силой, да и оружие выбрал себе под стать... Только вот фехтовать широкой и тяжелой саблей оказалось очень неудобно, а на близкое расстояние Бутурлин верзилу не подпускал. Длинный, едва изогнутый клинок вполне позволял отражать натиск разбойника...

Вот еще удар! Вот еще! А теперь – снова крест-накрест... отскок и – быстрый короткий выпад, укол...

Сабля Бутурлина пробила врагу левое плечо, и пробила хорошо – фонтаном хлынула кровь! Упырь побледнел, пошатнулся... и с жутким криком бросился на соперника, вложив в удар всю свою ярость!

Никита ощутил злость врага даже чисто физически, как опытный фехтовальщик – диестро, предугадал направление атаки... И вовремя отскочил! Однако и лиходея оказался не лыком шит: тут же развернулся, ударил эфесом словно кастетом, едва не проломив Никите скулу...

Лоцман увернулся, успел, и сам нанес удар – быстрый, как молния, от кисти...

Выронив саблю, верзила зарычал, словно дикий зверь, и бросился на врага, вытянув длинные руки с корявыми хваткими пальцами... Видать, хотел схватить Никиту за горло. И непременно нарвался бы на клинок, сам бы себя насадил – саблей ведь не только рубить, но и колоть можно, про что некоторые забывают – а зря!

Налетел бы лиходея на бутурлинскую саблю... Коли б не Семка, слуга. Сей чернявый, чем-то похожий на медведя, увалень ловко приласкал супостата оглоблей по башке. Просто подошел да ударил – н-на! Лиходей так и пал в траву! Просто повалился, как куль.

– Одна-ако! – заценил удар Никита Петрович. – Паря, ты где оглоблю-то взял, а?

– Да тут их много... – Семен засмутился, зарделся, как красная девица. – Палаш-то я где-то обронил... Вот и пришлось!

– Обронил! – оглядываясь по сторонам, передразнил Бутурлин. – Все бы тебе оружие разбазаривать. Чтоб сыскал!

– Угу!

– Что с этим?

Увалень склонился над поверженным главарем, прислушался:

– Да вроде дышит.

– В обоз его. Потом, в селе, поговорим, допросим.

С разбойничьей ватагой дворяне, рейтары и драгуны покончили умело и быстро. Что значит опыт! Сражались достойно, оружнему бою и построениям воинским обучены были хоть куда. Да и внезапность нападения свое дело сделало.

* * *

В Плесово сводный отряд возвратился с победой, и по сему случаю оба воеводы – Потемкин и Змеев – объявили пир. Тем более что хлеб-то удалось спасти, привезти – и то для предстоящего похода было большое и важное дело.

На этот раз пировали в хоробах местного помещика, в горнице, куда, естественно, пригласили далеко не всех. Выпивали, кушали, разговаривали. Князь-воевода Потемкин, подзвав к себе Никиту Петровича, вновь принялся говорить туманами да загадками. Вспомнил про батюшку-царя, которого все здесь ждали, да намекнул Бутурлину, что-де имеется для него

одно важное для дальнейшей карьеры дело – и тут все зависит от царского слова. Как государь решит. Назначит ли? Или, может, кого другого на то дело поставит? Всякое могло быть. Но коли решит доверить все Никите, да ежели сам-то Никита «дело, как надо, сладит», то быть парню в новгородских рейтарах, капитаном... а то и бери выше – майором! Какое именно дело, князь не говорил, да ушлый Бутурлин догадался. Наверняка то же, что и в прошлом году в Ниене. Вести разведку, добыть сведения... Только на этот раз, по всему выходит – в Риге.

Рига... Там же, где нынче его, Никиты, суженая, несостоявшаяся невеста! И вот тут было бы не худо не только порученное дело исполнить, но еще и свое, личное. Повидать, наконец, Анну... да там, может быть, и сладится чего? Вновь нахлынут чувства... Все может быть, все...

Пойманный главарь шайки оклемался быстро, и князь-воевода тут же приказал его пытать. Палач оказался опытный – огнем жег, на дыбе подвешивал, бил кнутом – но меру в ремесле своем знал, не озорничал сильно. Так что уже к вечеру того дня, когда с утречка зачали пытки, верзила рассказал всё. И сколько в шайке людей, и кто помогал, скрывал краденое, и зачем дев невинных терзали-убивали. Для страха, оказывается! Чтоб боялись, чтоб все добро отдавали, чтобы не смели жаловаться! Страх... он на всех действует. Правда, по-разному, да.

Вызнали и имя разбойника – Лихой Сом, – и был он из беглых, и да – в свейских корсарах отметился, суда датские грабил, а потом вот решил сюда, в родные места податься.

– Предать смерти! – выслушав, постановил воевода.

И тут уж Бутурлин был с ним полностью согласен. Куда такого упыря жалеть? Он ведь не жалел людишек! Вот и на плаху его! Четверговать! И поделом гадине.

* * *

Утром Бутурлин проснулся рано, еще засветло. Поворочался, вспоминая вчерашний бой. Вспоминал не просто так – прикидывал, как можно было получше сделать так, чтоб своих поменьше погибло, поменьше было б израненных. Вот, если бы с французом послать не двадцать человек, а с полсотни? Да еще пару отрядцев – подобраться скрытно, по флангам... Нет! Сразу два отряда по флангам – друг дружку перестреляют. Если только так, с саблями да палашами напасть, навалиться. Можно было и так, да...

Пока думал, затянутое вощеным пергаментом окошко в горнице вдруг окрасилось золотом – сначала – кусочек, потом – половина... Солнышко вставало! Вон как сверкает... Знать, выпадет нынче добрый денек. В такой день не грех и самому государю припожаловать, а там... Сбудутся ли слова Потемкина? Отправит ли государь Никиту с важным поручением в Ригу? Или кого другого найдет? А может, и вообще – никого. Всяко сложиться может.

Накинув кафтан, молодой человек водрузил на голову шапку да вышел на улицу, на крыльцо. Прячась за вершинами лип, ударило в глаза солнце. Никита Петрович прищурился, приложил ладонь козырьком ко лбу. По двору уже всюю сновали людишки во главе с хозяином избы, справным мужиком Савватием. Савватий вообще-то был крепостным местного боярина Ивана Тимофеевича Рюкина и, согласно закону, «Соборному уложению», не мог от него никуда уйти и должен был во всем подчиняться. Однако сей ушлый мужичок владел десятком лодок и по праздникам разворачивал на бережку торговый рядок, так что деньги у него имелись, правда, вот выкупиться на свободу было нельзя, разве что в обход закона. Какой там, к черту, Юрьев день! Уход крестьян от бояр и помещиков был запрещен строго-настрога. И так во время Смуты поразбежались все!

Что же касемо Савватия, то своим подневольным положением тот, похоже, ничуть не тяготился, да и боярин ему достался умный, на барщине работать не заставлял, отпустил на оброк – и доходу с этого оброка выходило немало. Еще Савватий имел и своих работников... Работницы – справные румяные девки – как раз выгоняли из птичника откормленных жирных

гусей. Гуси недовольно гоготали, шипели и били крыльями, девки громко смеялись, вспоминая вчерашнюю «беседу».

- А Ванька-то, Ванька как Воронихину Катьку схватил! За самые сиськи!
- Да не, девы. Не за сиськи – за плечо!
- Нет, за сиськи – я сама видела! Рядом сидела. Катька довольная вся – зарделася.
- Вот Ворониха-то узнает – задаст! Ужо не поздоровится Катьке!
- А вы языками-то не мелите, девы! Катька – девка добрая.
- Да уж, так.

По всему двору были развешены веревки, на которых сушилось-досыхало белье и прочие мундиры – рейтарские слуги третьего дня еще затеяли стирку. Эх, надо было б тоже наказать парням... Ну, да ладно, не успел так не успел. Может, чуть позже...

На крыльцо, хлопнув дверью, вышел и сам Савватий, перекрестился на церковную маковку, видневшуюся за забором, поклонился Никите вежливо:

– Доброго утречка, господине!

– И тебе не хворать, Савватий, – кивнул и Бутурлин, да спросил хозяйственно: – Чего эт девки твои птицу выгоняют?

– Так всех и забьем посейчас, – погладив пегую бороду, усмехнулся мужик. – Запечем с яблоками мочеными да с кашей. Чай, самому царю подавать!

Произнося последнюю фразу, Савватий горделиво выпятил грудь. Еще бы – самому царю!

– Сам воевода Змеев за моих гусей заплатил, – похвастал хозяин. – По алтыну за каждого!

– По алтыну? Иди ты! – Никита Петрович удивленно качнул головой и тут же спросил про царя: – Неужто государь наконец-то приезжает?

– Воевода сказал – сегодня к обеду ждем!

– Сегодня! Вон оно как... Однако!

Новость была важная, и Бутурлин несколько недоумевал – чего ж его-то самого не предупредили? Даже князь Потемкин вчера, за службу хваля, ни словом про царский приезд не обмолвился. Может, просто запамятовал, забыл? Всяко бывает. Ежели государь сегодня приедет, то...

Запахнув кафтан, Бутурлин спустился с крыльца, вышел за ворота и быстрыми шагами направился к церкви. К заутрене он уже не успевал, но хоть так, постоять, помолиться во исполнение важного дела.

– Здрасьте вам, господине! – едва Никита Петрович вышел на улицу, как ему на пути встретилась дева с изрядной вязанкой хвороста за спиной.

Справная такая дева, премиленькая. Коса густо-рыжая, бровки тоненькие, губки розовым бантиком, а глаза ровно у кошки – зеленые. Знакомая...

– И тебе во здравие! Постой-ка... Я ж тебя вроде знаю. Ты из этих... из Жданков, да?

– Из Жданков, господине, – опустив хворост, улыбнулась дева. – Меланья я. Сюда к тетке пришла – помочь... А что, правду говорят, самого главного злодея вчерася схватили? Говорят, казнити будут? Вот бы хоть одним глазком взглянуть!

Бутурлин хмыкнул: вот ведь любопытная, однако...

– Так уж хочется на казнь посмотреть?

– На злодея. Он-то посейчас где? Небось, у воеводы, в амбаре? – раскраснелась девица, раздумянулась – ай, хороша!

– Не у воеводы, у старосты.

– А-а-а!

– Только ты его не увидишь, кто тебя на двор пустит-то?

– Ну-у... завтра тогда посмотрю.

– Вот-вот... завтра.

Простившись с девчонкой, Никита Петрович добрался наконец до церкви и, сняв шапку, долго молил Господа об успехе во всех своих делах. Помолвившись, сотник решил не возвращаться на постой к Савватию, а отправиться напрямик к Потемкину, узнать, что там да как.

Спрямяя путь, молодой человек пошел лесом, по узкой заросшей тропке, огибавшей небольшое, но топкое болотце, издавна пользующееся среди местных жителей самой дурной славой. Больно уж коварное было. Вот вроде бы и лужайка, ан нет! Только ступи!

За лесочком, у тракта, толпились какие-то люди, наверное, воеводские, Никита Петрович не обратил на них никакого внимания, старательно обходя кочки – тропинка-то свернула к болотцу, и тут уж нужно было смотреть во все глаза.

А некоторые вот не смотрели! Бутурлин неожиданно для себя закашлялся, увидев посреди болота здоровенного румяного парнягу с рыжей косматой бородой. По возрасту – примерно своего ровесника. Парняга стоял по-хозяйски, широко расставив ноги, и истово молился, то и дело крестясь на церковную маковку. Одежда выдавала в молящемся человека непростого – парчовый, с золочеными пуговицами, кафтан, лазоревая, распахнутая на груди ферязь с длинными, завязанными позади узлом, рукавами. Ферязь тоже недешевая – с шелковыми вставками, да по виду – из доброго аглицкого сукна. Вот только шапки на парне не было – видать, позабыл, оставил...

– Господи, Господи, помоги мне в начинанье моем... – крестясь, громко шептал парняга.

Не слабый такой, крепкий – даст в лоб, мало не покажется, да! Да и, верно, тяжел... И как он только до сих пор в болото не провалился? Повезло, верно, ага...

Однако везение сие продолжалось недолго. Окончив молитву, детинушка в очередной раз осенил себя крестным знамением, повернулся, сделал широкий шаг... и со всей дури ухнул в разверзшуюся болотную хмарь!

– Да куда ж ты! Эй!

Опомнившись, Бутурлин скинул кафтан и тотчас же бросился на подмогу, протянул руку...

– Держись! Под себя, под себя гребь!

А парень тонул, уже погрузился в болотину почти что по самую шею. Сопротивлялся, барахтался, да намокшая неудобная ферязь неудержимо тянула на дно...

Оп! Схватился-таки парняга за руку... Ну, однако же, и тяжел! Попробуй такого вытащи! Как бы самого в трясику не утянул.

– Давай, давай... Ногами, пробуй, толкайся! И-и-и... раз... и-м-и... два...

Летели прямо в лицо грязные холодные брызги, в сапоги за голенища уже набралась вода. И зипун, и порты намокли, отяжелели...

– И... еще разок... давай... и...

Выбрался парняга по грудь! Вытащили... А дальше уж пошло дело!

– Уфф! – усевшись на кочке, незнакомец вытер рукой лоб, мокрый то ли от болотной воды, то ли от пота.

Похоже, он ничуть не испугался, лишь, успокаиваясь, тяжело дышал. Голубые глаза смотрели властно и строго:

– Спаси ты Бог, брате! Ты кто будешь-то?

– Никита... Никита Петрович Бутурлин... служилый человек... помещик...

– То-то я и вижу – не из простых. Как сам, Никита?

– Да ничего вроде... Только вот вымок, да в грязи, ага.

– Так и я не сух. – Парень гулко засмеялся и, повернув голову, увидел бегущих в болоту людей. Нервная какая-то недобрая складка обозначилась у спасенного возле губ:

– О! Явились не запылились, – бросил он зло. – И где раньше были? Впрочем, сам же им и велел не мешать. Молитва, брат Никита, суеты не терпит.

– Оно так, – пытаясь стряхнуть налипшую тину, согласно кивнул сотник.

Детинушка расправил плечи – коренастый, сильный:

– Ну, что? Ты со мной?

– Да пожалуй, побегу в избу, переоденусь.

– Это правильно. Ну, давай, беги! Здравия тебе.

– И тебе не хворать, человеце.

Не очень-то удобно было сейчас мокрому да грязному стоять, Никита Петрович даже забыл у спасенного и имя спросить, да не до того было – скорей сейчас в избу, переодеться в сухое да махнуть чарочку!

Успел! Выпил чарку, переоделся – но только-только! Едва Никита Петрович накинул на плечи крестьянский кафтан детинушки Семена – уж, что было – как по крыльцу бодро вбежал вестовой:

– Господина сотника князь-воевода Петр Иванович сей же час видеть желает!

Махнув еще одну стопку – вкусная оказалась у Савватия медовуха! – Бутурлин быстро оделся да, прицепив к поясу сабельку, поспешил следом за вестовым.

Князь-воевода ахнул сразу же, едва Никита Петрович ступил на порог крепко натопленной горницы.

– Ой, Никитушка, тебя ли вижу? Это что это ты? В чем явился?

Бутурлин развел руками:

– Так это, княже... В болотину утром упал. А новой одежды нету!

– Господи, господи, – торопливо закрестился Потемкин. – Я б те свою дал... да, боюсь, не впору придется. Ох, Господи, Господи... Нам ведь к самому государю вот-вот идти, Никитушка! Ты слова-то мои ранешние помнишь?

– Так помню! А что? Государь уже здесь?

– Приехал только что, дождались! – воевода озабоченно покачал головой. – Государь отдыхать не возжелал – сразу в дела. Посейчас верфи осматривает, а потом и нас видеть захочет. Что? Одежку-то ладную совсем-совсем взять неоткуда? Чай, пред царем предстанешь!

– Ну... – Никита задумался. – Разве что у рейтар. Они на днях стирались.

– Вот-вот! – обрадованно засмеялся князь. – Хоть у рейтар возьми... все не в армяке мужицком!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.